

— Именно вы вытащили меня из тьмы. И в этот раз — тоже вы.

Чу Сюнь заметил, что эти слова, по-видимому, успокаивают Тан Байчжоу, и решил открыться до конца.

— Прежнего Чу Сюня больше нет. Вы подарили мне вторую жизнь. Не волнуйтесь, я не из тех, кто забывает добро. Я буду рядом с вами в ваш Период повышенной восприимчивости. Нет, в любое время — стоит вам только позвать, я буду здесь.

Энигма прищурился, пронзительно изучая юношу с ясными глазами. Убедившись, что слова маленького Альфы на сто процентов искренни, Тан Байчжоу почувствовал, как в его холодных, темных зрачках вспыхнул багровый отблеск страсти. Кровь в жилах, казалось, закипела. Феромоны Энигмы мощным потоком захлестнули возбужденную кору головного мозга. Каждая клетка его тела неистово требовала подчинить себе этого маленького Альфу.

Император отвел взгляд от чистых, преданных глаз юноши — нельзя больше смотреть, иначе случится непоправимое, он не сдержится и заставит плакать владельца этих прекрасных глаз.

— А-Сюнь, принеси мне стакан воды, пожалуйста. Мне нехорошо. Спасибо, — раздался низкий, бархатный, холодный голос Энигмы.

Чу Сюнь с тревогой взглянул на него и тут же отложил нож и вилку.

— Хорошо. Теплой?

— Принеси ледяной.

— Без проблем.

Как только маленький Альфа вышел, тяжелое дыхание Тан Байчжоу наконец выровнялось, и он вернул себе контроль над телом. Лу Иньчэнь был прав: ему следовало уехать в изолятор. Он недооценил, насколько сильно его влечет к Чу Сюню. Это было чувство, подобное мотыльку, летящему на огонь. Физиологическое влечение, способное легко сокрушить его волю, подавить разум и пробудить первобытные желания. Оно превращало его в пленника феромонов Чу Сюня. В Период повышенной восприимчивости он был рыбой, а Чу Сюнь — водой. Сегодня он смог удержаться лишь потому, что железа на заливке юноши была повреждена, и запах грейпфрута почти не ощущался. А если бы железа восстановилась и начала нормально выделять феромоны? Он даже не представлял, до какого безумия мог бы прийти.

— Господин, вам лучше? Может, принести ингибитор? — Чу Сюнь поставил стакан.

Тан Байчжоу залпом осушил ледяную воду, пытаясь унять внутренний жар.

— Пока не нужно.

Император хрипло сменил тему, задав вопрос, который не давал ему покоя и вызывал ярость:

— А-Сюнь, зачем ты встал на колени перед Цюй Сяюем? Чем они тебе угрожали?

Он приехал слишком поспешно и не успел во всем разобраться.

— Все уже в прошлом, господин. Не берите в голову. Вы очень вовремя подросли.

— Я хочу знать.

Тан Байчжоу настаивал, и Чу Сюню пришлось признаться:

— Отец Цюй Сяюя — адмирал империи. Он угрожал мне тем, что заблокирует выход Корпорации Опал на биржу. Я не хотел подставлять вас, поэтому...

— Значит, ты встал на колени ради меня.

Это была правда, но в устах Тан Байчжоу эти слова приобрели какой-то иной оттенок.

— Да. Я никогда не видел таких высокопоставленных чиновников, как адмирал Цюй, даже вице-ректор его боялся. Тогда я не придумал другого выхода, но я должен был защитить вас, поэтому согласился.

Обычно это императоры защищали своих подданных, но впервые кто-то решил защитить его самого.

— Глупыш.

Император выдохнул, и в его голосе, пропитанном концентрированными феромонами, зазвучали сексуальные, благородные ноты, напоминающие звучание виолончели. Когда он произносил А-Сюнь, в его голосе слышалась бесконечная нежность.

— Если бы он приказал тебе умереть, ты бы тоже согласился?

— Если бы это помогло вам — да.

Чу Сюнь ответил без колебаний. Над такими вещами ему даже не нужно было думать. Это была его подсознательная, самая искренняя реакция. От этого ответа концентрация феромонов

Чэньюэ Уму в вилле взорвалась. Аромат черного дерева, словно вихрь, настойчиво окутал Чу Сюня.

— А-Сюнь, я пойду к себе.

Серые глаза императора на мгновение с нежностью задержались на маленьком Альфе.

— Что бы ты ни услышал ночью, не входи. Со мной все будет в порядке.

— ...А?

Чу Сюнь не успел среагировать, как Тан Байчжоу, прихватив ингибитор, скрылся в спальне и запер дверь. Его ванная была оборудована по последнему слову техники и могла охлаждать воду; дворецкий заранее наполнил ее ледяной водой.

Тан Байчжоу, зажав в зубах сигарету, лег прямо в бассейн, от которого исходил ледяной пар. Тонкой струйкой дым вырвался из его бледных губ. Это была сигарета с ароматом грейпфрута. Вода быстро намочила рубашку, сквозь полупрозрачную ткань проступали рельефные предплечья, а подернутые туманом и водой грудные мышцы то и дело показывались на поверхности. На крепком животе виднелись красивые линии, если присмотреться, можно было заметить дорожку к тазу.

Его кадык судорожно дернулся. Сделав еще одну жадную затяжку, он откинулся назад и, утопая в густом аромате грейпфрута, с надрывом и нескрываемым желанием прошептал:

— А-Сюнь... Мой... А-Сюнь... Мой императорский... А-Сюнь...

Пока голос не охрип окончательно. Он знал, что это все равно что пить яд, чтобы утолить жажду, но не мог остановиться. Сигарета за сигаретой, пока пачка не опустела. Но он так и не смог изгнать образ Чу Сюня из головы. Он позволил себе соскользнуть на дно, надеясь, что ледяная вода парализует тоску, но обнаружил, что это невозможно — стоило закрыть глаза, как лицо Чу Сюня в его сознании становилось лишь четче.

Именно из-за того, что он не мог его видеть, мозг Энигмы с маниакальной точностью вырисовывал каждую черточку любимого человека. А температура его тела при этом грозила нагреть всю ледяную воду в бассейне.

Беспокойство росло. Энигма был доведен до предела, зверь внутри него готов был вырваться наружу и разорвать маленького Альфу за стеной. Он резко встал, откинул назад прилипшие ко лбу мокрые волосы и нетвердой походкой направился в спальню. В книжном шкафу был спрятан сильнодействующий ингибитор — средство, запрещенное из-за колоссального вреда для организма Альф.

Движения Энигмы становились все более неистовыми, ясность в глазах постепенно пожирало желание. Но желание не причинить вреда Чу Сюню в итоге взяло верх. Когда он был готов разнести шкаф в щепки, среди кучи обычных лекарств наконец блеснула упаковка сильного ингибитора.

Направляясь к выходу из спальни, Энигма зубами разорвал пластиковую упаковку. Он чувствовал, как горит его горло, словно выдыхаемый им жар мог превратить его в пепел. Прислонившись к двери, он тяжело дышал, как загнанный зверь. Рука с ингибитором несколько раз не могла попасть в вену. Особенно некстати за дверью раздался полный тревоги голос Чу Сюня:

— Господин Тан, я слышал, как что-то упало. С вами все хорошо?

— Не входи! Мне не нужна твоя помощь!

Голос Тан Байчжоу охрип до предела. После очередной неудачной попытки он с силой вырвал иглу из руки. Энигма, казалось, совсем не чувствовал боли: он полоснул иглой по коже, оставляя страшную рану, и на волне боли, вернувшей ему каплю разума, в последний раз быстро и точно вогнал препарат прямо в вену.

Лекарство подействовало мгновенно — такой дозы хватило бы, чтобы свалить нескольких Энигм 3S-класса. Император медленно сполз по двери, размышляя: в этот раз он действительно просчитался. Ему не следовало держать Чу Сюня так близко, в такой опасности. Больше он не допустит подобных ошибок.

— Господин, господин!

Чу Сюнь не послушался его, позвонил Лу Иньчэню и выбил дверь.

<http://bllate.org/book/20528/2047635>